

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-109-118

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет (Москва)***ЕЩЁ РАЗ О СООТНОШЕНИИ «СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО»
И «КЛАССИЦИСТИЧЕСКОГО» ИДЕАЛОВ В ПОЭЗИИ КАРАМЗИНА**

Аннотация. В лирической поэзии Н.М. Карамзина развиваются две внешне противоположные смысловые линии. Первая задаётся стихотворным трактатом «Дарования» (1796) и снимает традиционную для сентиментализма антитезу природы и цивилизации, которые не отрицают, а предполагают друг друга на основе «чувства» («чувствительности»). В то же время в программных посланиях «...Дмитриеву», «...Плещееву» (1794) и нек. др. лирический герой Карамзина не только бежит из социума в мир природы, но последовательно разочаровывается в целях бегства: любви, дружбе, самой Природе, поэзии и загробном мире. Соотнесение этих двух линий показывает, что голос отшельника / скептика не принадлежит Карамзину, а «изображается» им как плод распада гармонии цивилизации и Природы.

Ключевые слова: Сентиментализм, цивилизация, природа, поэзия, чувство, бегство, скепсис.

A. Ivanitskiy*Russian State University for the humanities***ONCE AGAIN ON SENTIMENTAL AND CLASSICAL
IN POETRY OF KARAMZIN**

Abstract. In lyrical poetry, N. Karamzin developed two seemingly opposite sense line. The first one is set by the poetic treaty «Giving» (1796) and removes traditional for sentimentalism opposition of the Nature and civilization, that do not deny but presuppose each other on the basis of «feelings» («sensitivity»). At the same time in the program epistles to I. Dmitriyev, A. Ple-scheyev (1794) and some other, the Karamzin's lyrical hero not only flies from the civilization, but is consistently disappointed in all aims of his escape: Love, Friendship, Nature, Poetry and Afterlife. The comparison of these two lines shows that the voice of the recluse doesn't belong to the poet, but is pictured by Karamzin as the result of the collapse of the «Nature - civilization» harmony.

Keywords: sentimentalism, civilization, nature, poetry, feeling, flight, skepticism.

Традиционно основой «сентиментализма» в лирике Карамзина виделось противопоставление «естественной» жизни людей в лоне При-

роды и цивилизации, внушившей людям страсти и сделавшей «...свет / Жилищем призраков, сует...» [3, с. 35-67]; [4, с. 5-52].

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494.

© Иваницкий А.И., 2015.

...Одни шумящими рулями / Рас-
секли пену дальних вод;

Другие мощными руками / Отверзли
ли в землю тёмный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой
пыли!.. [2, с. 142-143].

В итоге счастье, которого «...все
ищут в свете... /...не зримо ни в од-
ном!..» [2, с. 140-141]. И только уеди-
нённая жизнь на лоне природы дарит
выбравшим её мудрецам сокровища
дружбы:

...А мы, любя дышать свободно, /
Себе построим тихий кров

За мрачной сению лесов... / ...Гну-
шаться издали пороком

... Взирать на тучи, вихрь сует, / От
грома, бури укрываясь... [2, с. 138];

- любви, вдохновляющей лириче-
ского героя:

...Оставить мир холодный, / Кото-
рый враг чувствительным душам;

Обнявшись перейти в другой, где
мы свободны

...Где царствует любовь без всех
предрассуждений... [2, с. 207];

- и поэзии: « Поэт! Натура вся
твоя. / В её любезном сердце лоне / Ты
царь на велелепном троне...» [2, с. 192-
193].

Поэтому Природа становится кар-
тарсисом скорби об ушедших близ-
ких: «...Кто ж милых не терял? Оставь
холодный свет / И горесть разделяй
с унылыми древами, / С кристаллом
томных вод и с нежными цветами...»
[2, с. 92-93]. И она же становится ме-
стом последнего блаженного успокое-
ния / сна самого лирического героя, где
«Тихо в могиле, мягкой, покойной. / ...
сон мёртвых... сладостен, кроток», по-
скольку «В гробе нет бури...», а мир
вокруг – идиллия фауны: «...нежные
птички / Песнь на могиле поют...» – и
благоухание флоры: «...Тамо струит-
ся в воздухе светлом / Пар благовон-

ный синих фиалок, / Белых ясинов,
лилей...». Поэтому кладбище – место
желанного успокоения: «...Стран-
ник усталый видит обитель / Вечного
мира – посох бросая, / Там остаётся на-
век» [2, с. 114-115].

Таким образом, природа предстаёт
осколком «золотого века», утраченно-
го людьми в погоне за «суетами» ци-
визации. Природа сохраняет блага
любви, дружбы и поэзии, суммарно
объемлемых понятием «чувства» / «со-
чувствия».

Но параллельно в лирике Карам-
зина столь же развернуто утвержда-
ется «классицистический» идеал дея-
тельной «полноты», основанной на
гражданском служении людям. Тезис
«Спокойствие дороже славы!» теперь
приписывается «ленивым умам». На
деле именно «в объятиях покоя», а не
страстей мы «...скучаем / И прежде
смерти умираем...». А страх перед
всем в жизни, включая смерть (связан-
ный с её неизбежностью): «...Бояться
шороха, бояться вслух дышать, / Един-
ственно затем, чтоб жизньню скучать /
И смерти праздно дожидаться...» –
преодолевается не праздным уедине-
нием в укромном уголке, а тем, чтобы
«что-нибудь / Великое свершить...». Трагизм неизбежной смерти преодоле-
вается посмертной благодарной памя-
тью и славой: «Гремящей славы путь /
К бессмертию ведёт. Душа живёт дела-
ми / И наслаждается веками...» [2, с.
237-238].

Между тем три довлеющих друг
другу программных стихотворения
Карамзина последовательно снимают
антитезу «природы и цивилизации»,
объединяемых как раз концептом «чув-
ства». В стихотворном трактате «Про-
тей, или несогласия стихотворца...»

(1796) Карамзин объясняет противоречивость поэтов тем, что, в отличие от философов, «...Их дело выражать / Оттенки разных чувств, не мысли соглашать... / ...Поэзия – *цветник чувствительных сердец*» [2, с. 250 - 251. Курсив Н.М. Карамзина. – А.И.].

Отзывчивость поэта и рождает его переменчивость: «*Чувствительной душе не сродно ль изменяться?*», поскольку своими чувствами поэт целиком связан со всей переменчивой Природой, которая потому в его душе «...с оттенками видна... / Бывает каждый час; что видит, то поёт...» [2, с. 242 - 243]. Любование переменами всего в мире рождает почти рокайльный панегирик «мигу», который

...Есть всё!.. власть и слава, / Печаль, веселье и забава...

Увы! и счастье сердец, / И чувство сладкого покоя,

И самая любовь... / Не есть ли миг единый в свете?... [2, с. 283-284].

Красота мирной и щедрой Природы, «...Когда в весенний день, среди лугов цветущих / Гуляя, видит он Природы красоты...» – вдохновляет его на идиллию: «...в душе его рождаются мечты / О веке золотом... / ...Тогда он с *Геснером* свирелию своей / Из шума городов зовёт в поля людей...» [2, с. 243]. В то же время пленяющий его «блеск искусства» поэт связывает не с природой, а как раз с цивилизацией: ему видится «...Великолепный град, картина многолюдства...», где «Разнообразное движение страстей» образует гармонию, поскольку «...к благу общества законом обращен[о]...» [2, с. 243-244].

Именно связывая *искусство* с *цивилизацией* («Лишь в общежитии... / ...художества... родились...»), – «...певец села... / Забыв свирель, берёт

для гимна своего / Златую лиру, петь успехи просвещения...» – и отвергает «золотой век» земной «Аркадии» как блаженства людей в мире Природы:

«... Что был ты, человек, с Природою один...

В Аркадии своей ты был с зверями равен,

Бесславен для тебя... / И мнимый век златой, век лени, детства сна...» [2, с. 244] (О «Протее...» в контексте поэтологической лирики Карамзина см. подробнее: [5, с. 296 - 311]).

Источник поэтического чувства *переменчивой* Природы дан у Карамзина в переложении «Гимна» Томсона из поэмы «Сезоны» (1789) и стихотворном трактате «Дарования» (1796). Это *пантеизм*, который и гармонизирует «цивилизацию» с «природой». Бог – «Господь Природы... бесконечный» [2, с. 121], а «Четыре времена, в пременах ежегодных, / Ничто иное суть, как в разных видах бог...» [2, с. 70]/ В «Молитве о дожде» (1793) Природа выступает почти самодовлеющим содержанием Бога, поскольку именно к ней молитва и обращена:

Мать любезная, Природа! / От лазоревого свода

Дождь шумящий ниспошли... / ... тобою оживятся

Наши мёртвые поля; / ...Песни в рощи возвратятся.

Но при этом сохраняется вертикальная ось «Небеса – Природа», поскольку «...Благодарный фимиам / Воскурится к небесам!» [2, с. 123-124]. При этом именно в совокупности идиллические (весенние, летние) и бурные ипостаси явленного в Природе Бога, который «...Зимую страшен... / гоняя вьюгу вьюгой...», – рожают гармонию: «...И в целом, вместе всё

так стройно, хорошо...» [2, с. 70-71] (Подробнее о роли «Гимна» Томсона в формировании поэтической философии Карамзина см.: [1, с. 113-121]).

Однако люди, оставаясь дикими, не могли увидеть в природе Бога и тем самым уподобиться ему: «...Явися, древность, предо мною!.. / Что зрю? Людей, во тьме живущих, / Как злак бесчувственно растущих...». Поэтому «Среди красот их око дремлет, / Природа вся для них пуста. / Их слух гармонии не внемлет...» [2, с. 214]. Чтобы связать людей с собою через Природу, Бог внушил им чувство Прекрасного:

...явился Феб прекрасный / ...С лучом небесных дарований...

И силой их очарований / В них [душах] искры чувства воспылали!.. [2, с. 215]. В «Приношении грациям» (1796) само обожествление Природы происходит как её возведение «в перл создания» в лице граций, которые. «...Цветущий образ свой явля[ют] в ручьях, / Приветству[ют] нимф, в источниках живущих...». Без граций, «любимиц небес», «...самая Природа / Была бы без души, печальна и пуста...» [2, с. 117]. А Феб выступает карающим архистратигом Творца. Дерзнувший назвать Бога «мечтой» будет «...Огнем пылающего Феба / ...сожжён...» [2, с. 122].

Благодаря внушенному свыше поэтическому «чувству» человек увидел красоту Природы, которая «...Пред ним в изящности явилась» как единство в бесчисленном многообразии: «В тайнейших связях обнажилась ...» [2, с. 215]. То есть, Бога, который, таким образом, «...с чувством жизни наслажденье / Соединил во всех сердцах...» [2, с. 225].

Когда людской «...Рассудок, чувством пробужденный, / Открыл по-

рядок неизменный / В различных года временах...» [2, с. 216], это гармонизировало для него настоящее и будущее как наличное и желанное / ожидаемое: «Надежда, нежный страх родились...» [2, с. 217];

...Их прежде время угнетало, / Теперь оно крылатым стало...

Его ... *желанье* призывает, / Его ... *надежда* озлащает

И красят розою *мечты*... [2, с. 217].

Поскольку полнота обожествленной природы воспринимается теперь человеком в обратимой смене времён года и необратимой смене возрастов и поколений, то его «сентиментальное» переживание личной неполноты (утраты), сопряжённой с этими сменами (опять-таки через Природу), стало, по сути, формой переживания классической полноты:

...О Меланхолия!.. / ...Не шумная весны любезная весёлость,

Не лета пышного роскошный блеск и зрелость

Для грусти твоя приятнее всего,

Но осень бледная... / ...Веселие твое – задумавшись, молчать

И на прошедшее взор нежный обращать [«Меланхолия. Подражание Делилю», 1800; 2, с. 260-261].

Увидев себя частью и духовным двойником всего в природе «...Чувствительный во всем себе друзей найдет...» [2, с. 92-93], человек тем самым осознаёт себя отражением Бога, который предстаёт поэтом как «Отец чувствительных сердец...» [2, с.121].

Осознание себя с помощью искусства частью обожествлённой Природы побудило в человеке сочувствие ближним. Эротическая похоть благодаря поэзии превратилась в Любовь. Если для дикаря

... Любовь ... есть только зверство, /
Её желание – свирепство;

Взаимной страстью никогда / Серд-
ца не тают, не пылают;

... Едва желанья исчезают, / Пред-
мет объятий позабыт... [2, с. 215], то
«... Любовь Поэзией прелестна; / ... Кто
любит, тот стихи читает, / ... Поэт – на-
ставник всех влюблённых: / Он учит
сердце говорить...» [2, с. 220]. Любви
довлеет Дружба: «... И ты, о дружба,
дар небесный! / Предстала с кротостью
своей...» [2, с. 217]. Внутреннее род-
ство любви и дружбы фундаментально
для человечества:

Любовь тогда лишь нам полезна, /
Как с милой дружбою сходна;

А дружба лишь тогда любезна, /
Когда с любовью равна [«Любовь и
дружба», 1797; 2, с. 234].

Это родство по «рождению» обу-
словлено и общим поэтическим источ-
ником. «Амур в плену у Муз» в повести
«Афинская жизнь» признаётся: «Милы
узы / Ваши, музы...» [2, с. 132]. А Гра-
ции – «Богини дружества...» [2, с. 117].
Именно на основе «поэтического род-
ства любви и дружбы они становятся
всеобщими:

... Сердца и руки съединились... /
... Отцы и дети обнялись;

Рекою слёзы излились / О жалких,
бедных сиротах,

И слёзы бедных осушились... [2,
с. 217].

Тем самым, сочувствие людей не от-
вергает общества, а предполагает его:
«... Лишь в обществе душа твоя себе
сказалась / И сердце начало с сердца-
ми говорить...» [2, с. 244]. Поэтому
в «Песни мира» (карамзинском пере-
ложении «Оды к Радости» Шиллера,
1791) природная Аркадия предстаёт
торжеством всемирного общежития:

... Бури, громы умолкают; / ... Всё в
Природе оживает...

... Миллионы, обнимитесь, / Как
объемлет брата брат!...

... Агнец тигра не боится / И гуляет
с ним в лугах... [2, с. 106].

Всеобщее сочувствие превращает
Аркадию в цивилизацию: «... В лесах
явились вертограды; / При звуке лир
воздвиглись грады...» [2, с. 217]; «... И
первый в мире град был первым тор-
жеством / Даров, влияющих в нас пре-
мудрым божеством...» [2, с. 217]. По-
этому природа и цивилизация равно
объемлются Творцом: «... господь при-
сутствен / И чувствуем везде: в пусты-
нях и степях, / Равно как в городах, на-
полненных народом...» [2, с. 73].

При этом одухотворяется Природа
в соответствии с эстетическим идеа-
лом античности, который и лежит в
основе новоевропейского мифа об
«Аркадии» и «золотом веке»:

... Век Астреин, оживи!.. / ... В ро-
щах слышны звуки лиры;

На берегах кристальных вод / Ним-
фы, фауны, сатиры

Составляют хоровод... / Музы, гра-
ции, сплетая

Цепь из лавров и лилей... [«Песнь
мира»; 2, с. 107-108].

В посвящении «К Амуру» тот пря-
мо привязывается к «золотому веку»,
ныне утраченному, но подлежащему
поиску и воскрешению: «... Он был в
Астреин век. Уже мы не находим / Его
нигде. Но жизнь в искании проводим»
[2, с. 96].

Поэтому стержень («закон») обще-
жития как сочувствия остаётся эсте-
тическим: «... Жить вместе, вместе
наслаждаться...» [2, с. 217]. А поэ-
зия, дружество и гражданская служ-
ба предполагают друг друга – как это

сформулировано в «Стихах к портрету И.И. Дмитриева» (1810, 1815): «Министр, поэт и друг: я всё тремя словами / Об нём для похвалы... сказал...»; «Он с честью был министр, со славою поэт; / Теперь для дружества и счастья живет» [2, с. 311].

Это делает идеалом красоты саму Добродетель, которая «...глазам [поэта] всегда прелестна, / ...Душе [его] всегда мила...» [2, с. 291]. Отсюда в ранг художественного шедевра возводится подвиг (воинский и гражданский), который в силу этого и становится примером для подражания, то есть для стремления сделать свою жизнь произведением искусства. Поэты,

...Добро искусством украшая, / Велят его любить сердцам.

Так Фидий Кодра воскрешает, / И в юном воине пылает

...Желанье подражать герою... [2, с. 218].

Эстетизация гражданского подвига наделяет художественным смыслом государство, а творящего его государя превращает в нового Творца. Если, художник, «"...Чей взор, Природу обнимаю, / Открыть творца творенью мог... / ...сам быть должен полубог"» [2, с. 224], то «...Великий государь достоин алтарей» [2, с. 92];

К великолепию цари осуждены;

Мы требуем от них огромности блестящей;

Во изумление наш разум приводящей;

Как солнцем, ею быть хотим ослеплены [2, с. 94].

Вершиной государственного творчества монарха становится загородный «парадиз», где природа заново создаётся им по образцу государства,

но на основе законов искусства, внушённых Богом человеку и монарху: «...Стихии творческой природы / Подвластны, кажется, ему; / В его руках земля и воды...» [2, с. 93].

В то же время государство (новая Аркадия) является вершиной одухотворения мира на основе «добродетели», – что делает духовным памятником монарху, которому «...снежный монумент... милее... / Чем мрамор драгоценный, / Из дальних стран за счёт убогих привезенный» [2, с. 96].

Таким образом, «сентиментализм» выступает в лирике Карамзина не отрицанием и не редукцией классицизма, а его новым качеством. Точнее – высшей ступенью одухотворения, «интимизации» классицистического космоса Государства и Природы.

Однако в целом ряде программных стихотворений Карамзина – таких, как «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста», «Долина Иосафатова, или Долина Спокойствия» (1796), посланиях «...к Дмитриеву» и «...к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) отрицание цивилизации наоборот, углубляется до отрицания ценности земной жизни вообще. Сначала повергается сомнению прижизненное пространственное убежище для человека: «...Пристанища в сем мире нет...» [2, с. 294]. Поэтому тихий кров с любимой вдали от людей возможен лишь «в мыслях», то есть в переносном, духовном значении: «...Далеко от людей, в лесу, в уединеньи, / Построю* (*В мыслях – примечание Н.М. Карамзина) домик для тебя, / Для нас двоих, над тихою рекою / Забвения всего...» [2, с. 210-211].

А в мире цивилизации «Небеса благоволили / Смертным дружбу

даровать, / Чтоб *утешить* их в не-
счастья...» [2, с. 57]; «...Любовь и
дружба – вот чем можно / Себя под
солнцем утешать!..» [2, с. 139]. Такой
же «утешительницей» (самого поэта и
его слушателей) выступает и поэзия:
«...Тому не надобно Фортуны, / Кто с
Фебом в дружестве живёт!» [2, с. 89];
«...Природа, любит награждать / Не-
счастливых пасынков Фортуны: / Даёт
им ... / ...чудесный дар / Сердца гармо-
нией пленять...» [2, с. 192-193]. Грации
«...С улыбкой на устах, суш[ат]... реки
слёз...» [2, с. 117-118].

На следующей ступени полностью
обесценивается земной мир, предста-
ющий его хронотопом сна: «*Не сон ли
жизнь и здешний свет?* / Но тот, кто ви-
дит сон, – живет» [2, с. 314]; «...Уже...
едва не четверть века / ...Как я пришёл
в сей мир... / Но всё... казалось время
сном...» [2, с. 56]; «...Что здесь счастьем
называют, / То едина счастья тень» [2,
с. 56]; «...жизнь самая – ничто. Так пре-
жде думал я, а ныне знаю то» [2, с. 96].

При этом «сон» земной жизни пред-
стает запрограммированным «негатив-
ном» / тенью небесного: «Мы видим
счастья тень в мечтах земного света; /
Есть счастье где-нибудь: нет тени без
предмета» [2, с. 312]. Поэтому только
там можно узнать смысл временного
земного страдания *здесь*: «...Иду ... /
Спросить *там*, для чего мы *здесь*, дру-
зья, живём» [2, с. 183. *Курсив Н.М. Ка-
рамзина. – А.И.*].

Отсюда желанен иной мир:
«...Жизнь! ты море и волненье! /
Смерть! ты пристань и покой!..» [2, с.
286]; «...В юдоли сей покоя нет... / Но
тем мы можем утешаться, / Что нам не
век в сем мире жить...» [2, с. 65].

Суть ущербной иллюзорности
земного мира – в его обречённости

необратимому времени. Поскольку
«...Самый мир сей истребится / ...в
некий день» и «...дружбе окончатся
/ Время некогда придёт», то «Сама
дружба нас заставит / После слёзы
проливать» [2, с. 57]. Тому же времени
обречена любовь: «...Все любят, Хлоя,
разлюбляют; / ...Где суд на ветреность
сердец? / ...Где время царь, там всё ко-
нечно...» [2, с. 195-197].

Это и подсказывает исход из вре-
менного мира во вневременной:

...Все вещи разрушает время, / И
мрачной скукой нас томит;

Оно как тягостное бремя / У смерт-
ных на плечах лежит.

Нам, право, согласиться должно /
Ему таким же злом платить

И делать всё, чем только можно / Его
скорее погубить [2, с.183-184]. Подлин-
ное соединение влюблённых также ока-
зывается возможным лишь в ином мире:

... Когда ж, о милый друг! нам долж-
но / В сем мире только слёзы лить,

В другом... ещё возможно / Не-
счастливым счастливыми быть!

...А рай мой... там с тобою жить! [2,
с. 197-199].

Однако людские страсти привязы-
вают их к этой псевдожизни. Люди до-
бровольно «спят» наяву: «Все мыслят
жить, но не живут»... – и думают, что
так будет вечно: «...Не мысля умереть,
умрут» [2, с. 255]; «...Как жизнь для
смертного мятежна! / И мы ещё жела-
ем жить!.. / Несчастный, слабый чело-
век!..» [2, с. 201-202].

Иллюзорность соблазнов, тревожа-
щих страсти, обнаруживается с воз-
растом:

...Во цвете пылких, юных лет / Я
нежной страстью услаждался;

Но ах! увял прелестный цвет... /
...И я сказал: «Любовь – мечта!»

Любил я пышность в летах зрелых, /
...Но вместо ...дней веселых...

Заботы, скуку обретал; / ...И назвал
пышность суетою... [2, с. 199].

Пробуждение от иллюзий – самое
горькое в жизни: «...Ах! лета заблуж-
дений / Текут стезёю огорчений...»
[2, с. 293]. Отсюда преддверие ухода
становится прижизненное состояние /
область блаженства как отрешения от
страстей / иллюзий:

Долина, где ... / ...сердце дремлет в
тишине;

...И мило злобные цирцеи / Не ста-
вят нежности сетей;

...Довольно я терпел, крушился, /
Гонясь сердцем за мечтой;

Любил, надеялся, страшился, – / Ах!
время мне вкусить покой!

Навек в груди угасни пламень! /
Пусть в ней живёт единый холод!

Пусть сердце превратится в ка-
мень! / Его *чувствительность* мне
яд... [2, с. 211-212].

Тем самым, «чувствительность»
оказывается не убежищем от страстей,
а их атрибутом.

Крайней формой пессимистиче-
ской «редукции» бытия становится
недостоверность самого Творца: «Что
наша жизнь? Роман. – Кто автор? Ано-
ним...» [2, с. 236] – и загробного мира:
«...Угаснет ли душа с разрушенным
покровом, / На небо ль воспарив, жить
будет в теле новом? / Сей тайны из лю-
дей никто не разрешил...» [2, с. 202].

Это обнуляет человеческое знание:
«...Все наши знания – мечта, / Вся наша
мудрость – суета!..» [2, с. 199]. А в поэте
крепнет предчувствие, что «...нас... / В
земле под гробовой доскою... / К себе
червь кровоглавый ждёт!..» [2, с. 293].

Поэзия же выступает в роли «меч-
ты» и «фантазии», заменяя потерян-

ный рай, как земной, так и небесный
в качестве единственного источника
счастья:

... существенность бедна... / ...*На-
дежда* – золото для нас,

Призрак любезнейший для глаз, / В
котором счастье лобызаем.

...Поэт есть хитрый чародей... /
Творит красавиц из цветка;

На сосне розы производит... [2, с.
193-195].

Как же соотносятся эти поэтиче-
ские «голоса» в лирике Карамзина?

Очевидно, что, утверждая равнопра-
вие противоположных мироощущений,
автоматически встраиваемых поэтом
в соответствующие жанры, карамзин-
ский автор – «протей» подтверждает
риторический характер поэтического
«чувства». И в русле определённых
жанров (унылой элегии, элегического
послания и т. п.) он подспудно и даже
порою безотчётно инсценирует голос
не про-, а антагониста.

По-видимому, именно этот голос
озвучивает в лирике Карамзина аль-
тернативную «философию истории». Страсти людей полагаются неистреби-
мыми и разрушительными от начала
времён по сей день:

...Ничто не ново под луною: / И
прежде кровь лилась рекою,

И прежде плакал человек, / И пре-
жде был он жертвой рока,

Надежды, слабости, порока... [2,
с. 201].

Отсюда всеобщая любовь, знамени-
мая / символизируемая весной, воз-
можна лишь в природе:

Пришла весна – цветет земля...

И лев, среди песков сыпучих, / Лю-
бовь и нежность ощутил;

И хищный тигр в лесах дремучих /
Союз с Природой заключил.

Любовь! везде твоя держава... / ...
Земля есть твой огромный храм.

В то же время «Бессмертный человек!.. созданный / Собою Натуру украшать...», от века является «падшим ангелом», противостоящим Nature врождённой страстью к насилию: «... Мир кроткий, мир блаженный / Своєю злобой нарушать...» [2, с. 115-116]. Тем самым отрицается роль искусства, преобразившего мир по воле Творца: всеобщего людского примирения не было и не будет:

...Ах! зло под солнцем бесконечно, / И люди будут – люди вечно...

Когда несчастных Данаид / Сосуд наполнится водою...

Богатый с бедным подружится / И слабый сильного простит... [2, с. 137].

Отсюда желание вдохновенного свыше поэта «Источник радостей и благ / Открыть в чувствительных душах» и его стремление

...Люби[ть] с горячностью людей, / Как нежных братьев и друзей...

Небесполезно жить для них – / Пленить их истиной святою,

Её нетленной красотой; / Орудием небесным быть

И в памяти потомства жить...

– есть обольщение «мечтами» и «надеждой сладкой» – «Почто... не век / Обманом счастлив человек?...» [2, с. 136-137]. Таким образом «надежда» перекалывается в «мечту», «призрак» и «обман».

Соотношение авторского про- и антагонизма в двух поэтических системах определяется, на наш взгляд, тем, какая поэтическая система способна объяснить свою антитезу, а какая, наоборот, выступает объясняемым частным случаем. Условный «пессимист» в лирике Карамзина разочаровался в

эгоистических страстях, но не в самом эгоизме, который состоит в утрате чувства физической и духовной сопричастности людям, природе и Творцу, то есть «сочувствия» миру: «...Бесчувственность есть ад того, / Кто зло творит без сожаленья...» [2, с. 292].

Замкнутый на себе эгоист – живи он с людьми или наедине с собою – прежде всего, лишён художественного восприятия и отражения мира; он – не поэт. Поэтому уход от людей оказывается таким же эгоизмом (отсутствием сочувствия), как и страсть: «...Не тот Герой добра, кто скрылся от порока, / От искушения, измен, ударов рока / И прожил век один с полмёртвостью души...» [2, с. 244]. Упорствуя, в своём «несочувствии» миру, он всё более отторгается от него, последовательно теряя веру в Природу, Любовь, Дружбу, Поэзию и Бога.

Такая позиция получает историческое обоснование в «Песне Божеству» (1793), ставшей откликом на официальный атеизм якобинского Конвента: «...Исчезнет тьма в умах, и злые / Твою почувствуют любовь. / ...Рекут: “...Мир – божий храм!”» [2, с. 122]. «Тьма в умах», временно мешающая людям увидеть в мире (объединяющем Природу и цивилизацию) «божий храм», – очевидно, и есть частный случай карамзинистской системы, основанной на «храме» всеобщего поэтического «сочувствия».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов Т.А. «Гимн» Дж. Томсона в художественной философии Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского // Русистика и компаративистика: сборник научных статей. Вып. 5. М., 2010. С. 113-121.

2. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. М.; Л., 1966. 273 с.
3. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. 279 с.
4. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л., 1966. С. 5-52.
5. Шруба Б. Поэтологическая лирика Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 296-311.